

CULTURE AND ITS DEPENDENCE ON THE CONCEPT OF POLITICAL

F. Fidarova

Summary: The article is devoted to the analysis of the codependency of German culture on political culture, in which the main criterion in all eras is the "concept of the political".

Over the years, there have been numerous demonstrations and applications of the concept of "political". The term belongs to Carl Schmitt, but in a broad sense, this concept is always used and applied in political culture, subordinating the existing culture. The forced relationship between politics and culture is examined using specific cultural components - German literary examples and a cultural magazine. The relevance of this topic lies in the fact that in recent years our world has changed dramatically, the threat of war is becoming a reality. Culture is becoming an enemy of the political and geopolitical confrontation of world powers and is banned as it once was in Nazi Germany. Our society needs to understand and comprehend all the changes that have suddenly befallen it. An analysis of the main components of German culture through the prism of political culture, in which the specific "concept of the political" of the era dominates, should shed light on this complex aspect of the modern cultural and political crisis era.

Keywords: cultural codependency, concept of the political, race and culture, nationalism, identity.

Обращение к немецким культурным компонентам прошлого и их взаимосвязи и созависимости с политикой и политической культурой Германии актуально, поскольку сегодня мировое сообщество раздирается борьбой за геополитическое противостояние, в которой определенная культура и ее запрет предстает собственно сердцевиной и краеугольным камнем. Культура в этом контексте стала основным содержанием политического вообще наряду с политикой и военным противостоянием, при этом мировые державы балансируют на грани прямого военного столкновения. Народ, как основной компонент содержания государства, ради которого создается культура на основе политической культуры, оказался у политиков на задворках.

Однако этот процесс начался не сегодня. «С конца Первой мировой войны в мире, со всей очевидностью, протекает процесс, который я бы назвал соскальзыванием культуры в сферу политического, при том что культура изначально и вполне сознательно оценивали по сравнению с политическим как наивысшее» [Хейзинга, 2010:

КУЛЬТУРА И ЕЕ СОЗАВИСИМОСТЬ ОТ ПОНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО

Фидарова Фатима Казантемировна

Кандидат культурологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
fidarova@inbox.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу созависимости немецкой культуры от политической культуры, в которой главным критерием во все эпохи выступает «понятие политического».

На протяжении многих лет происходила демонстрация и применение многочисленных новых случаев понятия «политического». Термин принадлежит Карлу Шмитту, но в широком смысле данное понятие употребляется и применяется в политической культуре всегда, подчиняя себе существующую культуру. Вынужденная взаимосвязь политики и культуры рассматривается на конкретных культурных компонентах — немецких литературных примерах и журнала по культуре.

Актуальность данной темы заключается в том, что в последние годы наш мир резко изменился, угроза войны превращается в реальность. Культура становится врагом политического и геополитического противостояния мировых держав и ее запрещают как когда-то в нацистской Германии. Наше общество нуждается в том, чтобы понять и осмыслить все изменения, которые внезапно на него обрушились. Анализ основных компонентов немецкой культуры сквозь призму политической культуры, в которой доминирует конкретно «понятие политического» эпохи, должен пролить свет на этот сложный аспект современной культурно-политической кризисной эпохи.

Ключевые слова: созависимость культуры, понятие политического, раса и культура, национализм, идентичность.

325].

Следовательно, мы не можем как философ-культуролог Буркхардт, воспринимать культуру как идеальную величину, свободную от связи с определенным государством. «Идея самой культуры смещается для нас непроизвольно в направлении концепции культуры в том или ином государстве. Государство постоянно и все более интенсивно расширяло территорию своей деятельности и при этом все больше и больше охватывало своими щупальцами культуру. Оно усиленно привлекало культурные силы себе на службу и даже начало выдвигать требования полностью распоряжаться этими силами. Политическое всё сильнее перевешивало культурное, что означало утраты и опасность для человечества. У истоков культуры всегда могут стоять только самая высокая мудрость и самые благородные помысли, до которых способны возвыситься лучшие из носителей культуры этого общества» [Хейзинга, 2010: 326].

Лучшие носители культуры Германии после проигранной Первой мировой войны тоже хотели помочь

своей стране — вернуть немцам былое утраченное политическое могущество через культуру в контексте политического. Для этого писатели-националисты объединили три фактора культурно-политического требования: расовую теорию как основу новой культуры немцев и дающую одновременно шанс на политическое возвышение, новую политическую культуру с названием Третий рейх. Итоги этого культурно-политического вызова, как известно, окажутся трагическими, но начало было многообещающим для «новой культуры» немцев, которую немецкая история не знала в качестве культурного и политического опыта.

Анализ немецкого культурного национализма и его окончательной и трагической формы в виде национал-социализма после Первой мировой войны в Германии должен отрезвить современных политиков и привести к осознанию, что государство служит народу для его культурного и социального процветания. Однако следует и признать, что «на самом деле национализм—это вопрос не только политики, но также культуры и личной идентичности» [Калхун, 2006: 27].

Калхун указывает в своем анализе на предостерегающий элемент, поскольку «национализм принимает различные формы: одни бывают мягкими и спокойными, другие—пугающими» [Калхун, 2006: 28].

Национал-социалисты свое культурно-политическое возвышение тоже начали с запретов и прославления, т. е. с пугающего, но в этом контексте они опирались на уже богатый культурный национализм Германии после проигранной Первой мировой войны.

Необходимо начать с прославления, поскольку оно выбиралось немецкими националистами как спасение и в культурном, и в политическом, и экономическом пространстве. В действительности на примере прославления расовой теории происходило тогда соподчинение культуры политике.

Немецкие националисты и национал-социалисты прославляли расовое превосходство германцев, однако следует отметить, что национал-социалистам приписывается и самое изобретение расовой теории. Однако в действительности это не так. Родиной расовой теории можно считать Францию, где в 1853-1855 гг. вышла книга поэта, дипломата и социолога графа Гобино «Размышления о неравенстве человеческих рас». Гобино ввел в обращение понятие нордической расы, которая отличается высоким ростом, светлыми волосами и голубыми глазами. К нордической расе Гобино причислил англичан, скандинавов и северных немцев. Согласно Гобино, превосходной по отношению к черной и желтой расам, является белая — арийская раса. Наиболее ценной и благородной частью последней он считал белокурую и голубоглазую германскую расу. Культура, по мнению Го-

бино, развивается по мере того, как белая раса устанавливает свое господство над низшими расами.

В 1878 г. Вышла книга Жоржа Ляпужа «Арийцы и их значение для социальной жизни». Для Ляпужа двигателем цивилизации, науки и искусства были также арийцы.

В Англии расовая теория получила название «евгеника» (от греческого слова «хороший от рождения»), и ее автор Ф. Гэлтон в книге «Наследственность, талант и характер» (1865) напрямую связывал психологические свойства людей с их физическими данными.

В Германии тоже начали проявлять все больший интерес к расовой теории, и в 1895 г. вышла фундаментальная монография Альфреда Плетца «Основы расовой теории». Плетц с 1904 г. издавал крупный журнал «Архив расовой и общественной биологии», им же было основано «Общество по изучению расовой гигиены», после чего аналогичные общества возникли в Швеции, Норвегии, Голландии. Известным последователем Гобино и Гэлтона в Германии был Отто Аммон (1842-1913), и уже в 1912 г. журнал по культуре «Гартенлаубе» (die Gartenlaube) напечатал его исследование «Физические различия европейских рас», а в 1914 г. «Расы и их психические особенности» [Gartenlaube, 1914: 13].

Необходимо отметить, что расовая теория тогда не имела человеконенавистнического характера, который она приобретет позднее, а национал-социалисты делают ее орудием мести для расправы с политическими противниками и уничтожения их, «неполноценной» культуры.

Миролюбивое отношение к другим народам и расам подтверждается следующими словами Аммона: «Так как сегодня уже нигде нельзя встретить чистую расу, было очень сложно выделить физические особенности и объединить их в типы рас. Еще сложнее было определить психологию расы, тем более что определенные психологические задатки все расы должны иметь, чтобы сохранить их жизнеспособными, такие как инстинкт самосохранения, инстинкт выхаживания в самом широком смысле этого слова, которые делают возможным дальнейшее существование последующего поколения» [Gartenlaube, 1914: 13].

Тем не менее Аммон пришел все же к заключению, что все «положительные качества и недостатки нордической-германской расы являются качествами господствующей расы, которая призвана править, и она везде, куда бы она ни пришла, была носителем и двигателем более высокой культуры» [Gartenlaube, 1914: 13].

Идеи Аммона будут восприняты и заложены национал-социалистами в основу расовых интерпретаций и измышлений и получат дальнейшее развитие. Однако

уже до прихода национал-социалистов к власти националисты Германии после проигранной Первой мировой войны пытаются послевоенный экономический и политический кризис решить посредством расовой теории. Среди националистов не только политики, но и писатели и поэты. Свои патриотические и националистические чувства они выражали в своих статьях, поэзии и романах. В этом отношении, как справедливо отмечает известный литературовед и критик Уве Кетельзен, вся «издаваемая литература после 1818 г. стала более оперативной, т.е. более действенной и политизированной, она утратила свой функциональный характер: критика культуры переросла в борьбу против Веймарской республики, и 1914 год был первым (слабым) предвестником этой изменившейся ситуации» [Ketelsen, 1976: 59].

Писатели-националисты националистического движения фёлькиш вопросы политики сделают центральной темой своих произведений, в которых переплетались расовая теория, новое название политической культуры Германии как Третий рейх. Двигателем культуры и всего прогрессивного в стране должен был стать blond-германец, которому приписывались лучшие физические и моральные качества.

В журнале по культуре и литературе «Гартенлаубе» тенденция blond (нем. светловолосый) стала господствующей, она поддерживалась не только литературными и политическими средствами, но также и психологическими. С 1922 г. репродукции «картин и фотографий на титульном листе» журнала были ориентированы исключительно на blond цвет волос и глаз, и благодаря им, авторы издания пытались решить послевоенный экономический кризис [Gartenlaube, 1922-1932].

Любимый автор «Гартенлаубе» Рудольф Герцог свой новый роман в 1929 году «Неугомонная молодёжь» заканчивает такими словами: «Юноши и девушки Германии со светлыми и белыми волосами, я приветствую вас, я люблю вас!» [Gartenlaube, 1929: 1010].

Фирма «Шварцкопф» выпускала 34 цвета краски для волос, но когда blond стал „цветом немца“, то сразу исчезли все цвета, кроме светлого.

Следует отметить, что интересные данные относительно соответствия нордическим стандартам привел в конце XIX в. французский антрополог Жорж Ляпуж, который считал, что «число чистых арийцев» составляет около 51 млн, а соответственно число высоких, голубоглазых и светловолосых по остальным странам выглядит следующим образом: США — 15 млн, Англия — 10 млн, Россия — 9 млн, Германия — 6 млн. [Lutzhöft, 1971: 165].

Как видно из анализа, Германия занимала в этом списке достойное место, но не первое.

С сентября 1933 г. расовое учение стало обязательным предметом в школах Германии. Все старшеклассники обязаны были изучать расовую науку, наследственность, вопросы семьи, к этому призывал в «Гартенлаубе» университетский профессор Фридрих Зольгер [Gartenlaube, 1933: 1008].

«Вывод о собственном превосходстве на основании претензий на расовую чистоту всегда был привлекательным для многих, так как он ровно ничего не стоит и сильно подыгрывает романтическим натурам, не обремененным потребностью в критике и скупаемым жаждой самовозвеличения» [Хёйзинга, 2010: 61].

Эта убедительная критика находит свое продолжение и в другом утверждении Хёйзинги, когда он утверждает, что: «расовые тезисы как аргумент культурной борьбы — всегда самовосхваление. Признавал ли когда-нибудь со страхом и стыдом какой-либо расовый теоретик, что расу, к которой он себя причисляет, следует считать менее ценной» [Хёйзинга, 2010: 61].

Хёйзинга совершенно убежден, что «культура, предоставляющая свободу расовой ненависти и даже поощряющая ее, более не отвечает условию: культура—это власть над природой» [Хёйзинга, 2010: 62].

Хёйзинга, осуждая политическое использование расовой теории, делает две важные оговорки. Во-первых, не следует смешивать со здраво продуманной евгеникой. Во-вторых, самовозвеличение одного народа над другим не обязательно должно основываться на расовых претензиях. «Чувство превосходства у латинских народов во все времена основывалось гораздо больше на качестве культуры, чем на расе» [Хёйзинга, 2010: 62].

«Высокомерие и самовозвеличение на почве собственного культурного благородства иногда может быть в чем-то более рационально и даже более оправданно, чем расовое высокомерие, однако всё равно остается духовным тщеславием» [Хёйзинга, 2010: 62].

Хёйзинга делает вывод, который предостерегает от ошибок в прошлом и позволяет также оценить кризисное состояние современного культурно-политического пространства. «Прикладное расовое учение, как не верти, является убедительным доказательством падения требований, которые предъявляет общественное мнение к чистоте критического суждения. Тормоза критики не срабатывают» [Хёйзинга, 2010: 62].

Действительно, тормоза критики немецкого общества заглохли и у националистов-писателей появилось новое требование. Оно заключалось в том, что для германской расы как двигателя культуры необходимо дополнительное «жизненное пространство».

Культурные фантазии немецких националистов ввели для германской расы понятие «жизненное пространство» как составной элемент в триаде фёлькиш идеологии после проигранной Первой мировой войны: новое название Германии Третий рейх, расовая теория и понятие «жизненное пространство». Эти указанные новые термины, по мнению немецких националистов, должны были возродить Германию экономически и политически. Как показал исторический опыт, они привели к самой великой катастрофе XX века.

Как известно, национал-социалисты мыслили себе расу только с *Lebensraum* (нем. «жизненное пространство»). Ханс Гримм (1875-1959), писатель-националист, автор колониальных романов наиболее четко свой «политический замысел раскрывает» в колониальном романе «Народ без пространства» (*Volk ohne Raum*), который вышел в 1926 г. [Ketelsen, 1976: 73].

По мнению Гримма, «бедственное положение немецкого общества должно быть преодолено в колониях», в колонизаторской борьбе с суровой природой можно обрести исчезающую целостность [Ketelsen, 1976: 73].

Уве Кетельзен точно замечает, что в этом колониальном романе Гримма «наглядно проявляется экспансионистская идеология» [Ketelsen, 1976: 73].

Роман Ханса Гримма занял «достойное место в истории духовной культуры Германии», однако, следует отметить, что он никогда не призывал к захвату пространства нашей страны [Gartenlaube, 1930: 941].

Национал-социалисты включают Гримма в список разрешенной, «подлинной немецкой литературы», он возглавит этот список с огромным тиражом.

Вульф отмечает, что «политические идеи Ханса Гримма и Адольфа Гитлера совпадают по четырем главным пунктам: в вопросе о расе, в вопросе об особом отношении к евреям, в подчеркивании особого значения арийцев, при этом понятие ариец необходимо понимать как нордический человек, и наконец, в вопросе об особом отношении немцев к Англии, т.е. как к нордическим людям Европы» [Wulf, 1963: 294].

Идеология фёлькиш свои культурно-политические требования четко объединила в трех терминах: расовое теория, «жизненное пространство» и Третий рейх. Следует отметить, что идея о Третьем рейхе у немцев на начальном этапе была частью их культуры — это мечта о старом добром времени без войны, без Версальского договора, как при Бисмарке. В целом это тоска по прежним идеалам буржуазной жизни, которая усилилась после Первой мировой войны из-за культурного пессимизма немецкого общества. Однако после Версальского договора немцам (арийцам) для сохранения себя как

расы стал необходим Третий рейх. Таким образом, можно увидеть, что культурный пессимизм перерос в понятие политическое с требованием новой политической культуры для Германии.

Национал-социалистический роман как основа культурного пробела 1933 г. станет основным выразителем понятия политического для национал-социалистов. Р. Герцог считает автором национал-социалистического романа как основы «культурного пробела» после 1933 г. [Крейг, 1999: 232].

Герцог вместе с другими писателями подписал письмо «88 немецких писателей» о «верности и преданности» Гитлеру, что в «1933 г. в Германии считалось хорошим тоном» [Wulf, 1963: 96].

После прихода национал-социалистов к власти Герцог сочинил «Историю немецкого народа и его фюрера» (1934). Герцог с «энтузиазмом празднует победу национал-социализма» и пишет: «Ворота Третьего рейха стоят широко раскрытыми. Мастера народного канцлера смело взялись за работу — они должны подготовить квартиры для почетной, радостной и гордой фёлькиш жизни, Гитлер думает, а его верные друзья превращают его идеи в реальные дела. Он создал из различных германских племен единый немецкий народ, он также освободил рейхстаг, ландтаги, общины от партий, как Христос изгнал торговцев и менял из храма, и создал единую партию из своих коричневых рубашек, чернорубашечников, штальхельмов в защитной форме» [Hillesheim, Michael, 1993: 238-239].

Следует отметить, что в своем романе «Товарищи» в 1922 г. Герцог способствовал рождению и укреплению тезиса «об ударе ножом в спину» (*Dolchstoßlegende*)

В романе «Спутники Элизабет Вельзер» («*Elisabeth Welsers Weggenossen*», 1939) его литературный вклад в поддержку национал-социалистов достигает высшей точки. «Роман Р. Герцога „Спутники Элизабет Вельзер“ описывает колониальные притязания Германской империи со второй половины XIX в., и в этом отношении он соответствует тематике „народ без пространства“, одноименного романа Ханса Гримма, разумеется, с той разницей, что в отличие от „Народа без пространства“ в романе Р. Герцога можно четко установить поддержку национал-социализма» [Hillesheim, Michael, 1993: 240].

События в романе охватывают время со второй половины XIX в. и заканчиваются в день прихода национал-социалистов, т. е. 1933 г. Первое поколение Вельзеров стремится открыть колонии в Африке для Германской империи.

Третье поколение Вельзеров в романе после поражения Германии в войне и тяжелой ситуации в колониях

с особым вниманием наблюдает за продвижением Гитлера и его НСРПГ. Оно считает Гитлера будущим спасителем, «Kettensprenger» (размыватель цепей), который непременно освободит колонии от английского господства [Hillesheim, Michael, 1993: 240].

По мнению Хиллесхайма, роман Рудольфа Герцога однозначно можно рассматривать как «национал-социалистическое пропагандистское произведение и прославление Гитлера» [Hillesheim, Michael, 1993: 240].

Вельзеры призывали избавляться от плохих рас, что соответствовало официальной колониальной пропаганде национал-социалистов. «Если Южная Африка, — размышлял Иоахим Вельзер, — будет иметь больше этих дикарей, то белым придется умереть, если до этого эти дикари не умрут» [Hillesheim, Michael, 1993: 243].

Таким образом, анализ созависимости немецкой культуры от «понятие политического» раскрывает и главную причину о том, что трагический приход национал-социалистов к власти был связан с рухнувшей экономикой после Первой мировой войны. Экономическая катастрофа породила установление такой политической культуры в Германии, которую не знал исторический опыт в мире, но она также дала образец катастрофического переплетения и подчинения культуры политике. Культуру следует в этом контексте понимать в самом широком смысле этого слова.

Следует отметить, что в настоящий момент немцы заново осмысливают это трагическое переплетение экономики, политики и культуры, поскольку средства массовой информации Германии ежедневно говорят об экономическом спаде. Абитуриентам Мюнхенской гимназии в 2024 г. по истории была предложена тема, которая нацелена на осмысление трагического прошлого немецкой политической культуры.

«С назначением Адольфа Гитлера рейхсканцлером 30 января 1933 года падение Веймарской республики считается предрешенным. Уже тогда существовало мнение, что подъем национал-социалистов тесно связан с экономическим развитием. Журналист и политик Хельмут фон Герлах писал в письме редактору газеты „Вельт ам Монтаг“ 6 октября 1930 года: «Если солнце снова осветит немецкую экономику, гитлеровские избиратели растают, как снег». Основываясь на этой цитате и ситуации конца Веймарской республики, а также на других подходящих примерах из истории Германии 20-века, исследуйте важность экономического развития для принятия политических законов» [Süddeutsche Zeitung, 2024: 03.08.].

Разумеется, что абитуриенты в своем анализе должны определить, какие факторы этого времени были первичными в Германии — культурные или экономические. Очевидно, что и те, и другие были важны и неотделимы

друг от друга, но для основательного понимания и раскрытия этого вопроса им необходимо знание указанных выше терминов писателей-националистов, их глобального влияния на культурное развитие страны и как они повлияли на процесс формирования самого государства.

Понятие политического как термин и определение обычно связывают с именем Шмитта, хотя оно четко прослеживается, как было показано выше, в немецком культурно-политическом пространстве после Первой мировой войны. Для современного кризисного мира важно следующее утверждение Шмитта.

«Шмитт показывает, что идеологические и „гуманитарные“ войны современности, дисквалифицирующие врага на моральном основании и не рассматривающие его в качестве противника, с которым воюют, предполагая при этом, что у него могут быть свои резоны, переняли эстафету у религиозных войн. Они отличаются той же безжалостностью и тотальностью» [Бенуа, 2014: 12].

По мнению Бенуа, «Шмитт выступал за „плюриверсум“, то есть многополярный мир, а не „универсум“, мир, объединенный под властью одной единственной сверхдержавы. И эта альтернатива сегодня тоже как никогда актуальна» [Бенуа, 2014: 13].

Поскольку, согласно Шмитту, народы являются субъектами политики, то «политическое есть существенная черта человеческой жизни; в этом смысле политика — это судьба, поэтому человек не может избежать политики» [Шмитт, 2013: 25].

Разумеется, что вечным спутником политики до сих пор остается война, поэтому Шмитт призывает к ней готовить и готовится. «Проклинать войну как человекоубийство и потом требовать от людей, чтобы они вели войну и убивали на войне и были готовы, чтобы убили их самих, „чтобы никогда больше не было войны“, — это очевидный обман» [Schmitt, 1932: 37].

Следует отметить, что о силе слова в политике, о которой так настойчиво напоминает Фауст Гёте, Шмитт не упоминает:

В начале было Слово.

В начале Мысль была.

В начале было Дело [Гёте, 2007: 184].

Очевидно, что сам человек является связующим звеном между культурой и политикой государства, поскольку от общего уровня культуры зависит и политическая культура страны. «Отдельный человек, носитель культуры, которую он впитывает и с которой срастается за время от колыбели и до могилы, чаще всего не так уж плох. По своей сути он таков, каким был всегда: незначителен и тщеславен, но и весьма проницателен, с некото-

рой склонностью к добру и чудовищным сомнением, и вовсе не редко порядочен, смел, честен и верен» [Хёйзинга, 2010: 321].

Тем не менее, согласно Штрацу, человек должен шлифовать свою бдительность для сохранения культурной и политической прозорливости.

В 1923 г. В «Гартенлаубе» вышел роман Рудольфа Штраца (1864-1936) «Если мир наполнен демонами», посвященный послевоенным проблемам. В нем бывший участник Западного фронта размышляет о настоящем и будущем Германии. Участник Первой мировой войны, доктор Гримм, убежден, что «Европа постепенно убедится, что для нее закончилась не война, а почти что удавшаяся попытка самоубийства белой расы в пользу желтой. В этом знании и будет состоять спасение Европы. Иначе придет ночь с востока, расцвет России, Азия сожрет свое неудавшееся дитя, свой маленький полуостров Европу» [Gartenlaube, 1923: 182].

Таким образом, современный немец через понятие политическое погружен в вечный кризис культурной и национальной идентичности.

Если анализировать и давать оценку культуре в ее нынешнем состоянии кризиса, а некоторые исследователи предрекают и предрекали ей закат и вырождение, то убедителен в своей оценке скорее великий культуролог Хёйзинга. Согласно Хёйзинге, современная культура «богаче и мощнее, чем когда-либо ранее, но ей не хватает собственного, подлинного и благородного стиля, ей не достает целостности души и духа, ей не хватает стойкого доверия к ее собственной прочности, ей не хватает

гармонии, достоинства и возвышенного покоя. Она сгибается под свинцовой тяжестью обманов и ложных посулов как никогда ранее» [Хёйзинга, 2010: 322].

Таким образом, можно утверждать, что в современную культуру не должны вторгаться чужеродные элементы в форме, которая ранее не являлась ни культурной, ни социальной основой жизни. «Если воспринимать культуру как живую действительность, то из этого почти само собой следует, что культура рождается именно в личности, и соответственно именно в личности сохраняет свое здоровье. Отсюда требование, чтобы тип общественной жизни был благоприятен для раскрытия личности и ее роста» [Хёйзинга, 2010: 323].

Ценностное и художественное осмысление произведений немецких писателей-националистов показывает, насколько современный мир с ее культурным, политическим и экономическим кризисом опасен для культурной и социальной идентичности личности.

Политическое возрождение Германии националисты-писатели после проигранной Первой мировой войны видели в единстве нового культурного и политического пространства через понятие политического. Расовая теория, в которой немец-ариец являлся двигателем культуры, не мыслилась ими без «жизненного пространства», а высшим и объединяющим фактором немцев стал новый политический термин Третий рейх. Крах этого политического понятия навсегда закрепит в немецком лексиконе новое понятие — "культурный пробел", однако причиной этого политического краха изначально была экономика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ален де Бенуа. Карл Шмитт сегодня. М., 2014.
2. Гёте И. В. Фауст. М., 2007.
3. Калхун К. Национализм. М., 2006.
4. Крей Г. Немцы. М., Ладомир, 1999.
5. Хёйзинга И. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб., 2010.
6. Шмитт К. Понятие политического. М., 2013.
7. Die Gartenlaube. Leipzig, 1853-1944.
8. Hillesheim J, Michael E. Lexikon nationalsozialistischer Dichter. Würzburg, 1993.
9. Luthöft H. Der nordische Gedanke in Deutschland 1920-1940. Stuttgart, 1971.
10. Ketelsen U. Völkisch nationale und nationalsozialistische Literatur in Deutschland 1890-1945. Stuttgart, 1976.
11. Schmitt C. Der Begriff des Politischen. München und Leipzig, 1932.
12. Süddeutsche Zeitung. 2024: 03.08.
13. Wulf J. Literatur und Dichtung im Dritten Reich. Eine Dokumentation, Mohn, 1963.

© Фидарова Фатима Казантемировна (fidarova@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»